

201-13
1971

~~М 112~~
~~4~~
М $\frac{149}{107}$

П Ъ С Н Я

ПРО

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,

МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА

И

УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

М. Лермонтовъ

П Ъ С Н Я
ПРО
ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА
И
УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.
1837.

СЪ 12 РИСУНКАМИ Г. ШАРЛЕМАНА И СЪ НОВЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА,
ГРАВЮИРОВАННЫМЪ ВЪ ЛЕЙЦИГЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.
1865.

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТНИЦА ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

УДАЛАГО КУЩА КАЛАШНИКОВА

Дополнено пометками. С.-Петербург, 31-го Октября 1864 года.

ТИПОГРАФИЯ И. И. ГЛАЗУНОВА.
В. Митинская, 8.

24354-0

2011123877

П Ъ С Н Я

ПРО

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА
И УДАЛАГО КУЩА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твое любимаго опричника,
Да про смѣлаго куща, про Калашникова.
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслирный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановекій
Намъ чарку поднесъ меду пѣнаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюди серебряножь
Полотенце новос, полкомъ шитое.

Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любятъся имъ тучки синія;
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ столъники,
Супротивъ его все бояре да князья,

По бокамъ его все опричники:
И пируетъ царь во славу божию,
Въ удовольствие свое и веселіе.

Улыбался, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднести его опричникамъ.
— И всѣ пили царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь —
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ

На младаго голубя, сизокрылаго, —
Да не поднялъ глаз молодой боець.
— Вотъ обь землю царь стукнулъ палкою, —
И дубовый полъ на полчетверти
Огъ желѣзнымъ пробилъ окопечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боець.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очулся тогда добрый молодець.

— Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣвичь,
Аль ты думу затаилъ несчастную?

Али слава́ нашей завидуешь? Или вно являеши?
Али служба тебѣ честная приключила?
Когда веходитъ мѣсяць — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по подпобесью;
И которая въ тучку прячется — лавъ авъ къ.
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично-же тебѣ, Кирибѣвичь,
Царской радостью гнушаться;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты векормлѣиш Малютиной!..»

Отвѣчасть такъ Кирибѣвичь,
Царю грозному въ полѣхъ клаясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залитьъ виномъ,
Думу черную — не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;

Тяготить она плечи богатырекия
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказать ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ сънѣ купеческой?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходить весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;

А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покатамися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоять у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любятся, глядя, перешептывался; —
Лишь одна не глядитъ, не любится,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебедушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвить слово — соловей поеть;
Горятъ щеки ея румяныя,

Какъ заря на небѣ божиѣмъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются —
Съ грудью бѣлою кажутся.
Во семьѣ родилась она кунеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее — я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,

Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своею подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ слоужу я тагъ буйную головушку —
И слоужу на коше бусурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Кони добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршуны выклюесть,
Мои кости сырыя дождемъ вымоетъ,
И безъ похорогъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, сѣлся, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перетенѣкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленной поклоняйся,
И пошли дары драгоценныя
Ты своей Алѣнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадьбу,
Не полюбишься — не прогнѣвайся.»

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обмануть тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому...

* * *

Ай, ребята, войте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшите вы добраго боярина
И боярню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквяхъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,

Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонить ихъ метельца расбѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ,
Запрасть Степагъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуха зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степагъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣвна,
А куда дѣвалась, затаилась
Въ такой поздній часъ Алѣна Дмитревна?»

А что дѣтки мои любезныя —
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

— Господинъ ты мой, Степагъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алѣна Дмитревна;
Вотъ ужъ конъ пришелъ съ молодой попадѣй,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяйшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой кунецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну глядеть на улицу —
А на улицѣ ночь темнѣхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаеть слѣдъ человѣческой.

Вот онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверь хлопнула,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулася, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Босы русые расплетенныя
Сѣгомъ-шнеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужь ты гдѣ жена, жена шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужь гуляла ты, шпровала ты,
Чай съ сынками все боирекими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту божьего ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алѣна Дмитревна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась, какъ листочикъ осиноый,
Горько-горько она вслакалася,
Въ ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножь;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютой,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни я домой шла понече
Вдоль по улицѣ одинѣшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулась — человекъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки,
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шепотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣвичемъ,

А изъ славной семьи изъ Малютиной...
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бѣдная головунка.
И онъ сталъ меня цаловать — ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:

— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, али цветной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня,
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, цаловать меня:
На щекахъ моихъ и теперь горять,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалун его океянные...

А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣялись, на палецъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская. —
Опозорить оны, осрамить меня,

Меня, честную, непорочную,
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинишка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонкѣ пропасть безвѣсти,
А меньшей мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Азѣна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылаеть Степанъ Парамоновичъ

За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послать ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ.
А такой обиды не стерпеть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побѣть онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробѣйте, братцы любезные.
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилось,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя.
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побойща,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,

Еъ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, нашъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ.»

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшите вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разнояючи,
Зари алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,

Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходились, собирались
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною.
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣнили мѣсто въ двадцать пять сажень
Для охотничьаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшите царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;

Кто побьет кого, того царь наградить,
А кто будет побить, тому Богъ простить!»

И выходит удалой Кирибѣвичъ,
Царю въ пояс молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подернися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...

Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ;
«Премирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, общаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.

Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ паныхиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Галашиниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жить я по закону господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таялся отъ свѣта небеснаго...
И промолвить ты правду истинную:

По одному изъ насъ будутъ паныхиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,

Между сильных плеч пробѣжалъ морозъ
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой куща Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Стенагъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь заканала.
И подумалъ Стенагъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-последня!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всюю силою

И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво:
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подь-корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, токнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго куща
И привести его предъ лицо свое.

Какъ возгворилъ православный царь.
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь!
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу одному.
Прикажи меня казнить и на влаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боець, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ веди отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безошлянно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ веди наточить-навострить,
Палача веди одѣть-нарядить,
Въ большой колоколь прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудить-воетъ колоколь,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.

По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запанькой,
Съ большимъ топоромъ, наострешнымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боець, молодой кунецъ,
Съ родными братьями прощается:

«Ужь вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуетесь, да обниметесь
На последнее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алѣиѣ Дмитревѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всеѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безаланная
Во крови на плаху позатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой
На чистомъ полѣ промежь трехъ дорогъ:
Промежь тульской, рязанской, владимірекой,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,

И кленовый крестъ тутъ поставили.

И гуляютъ шумять вѣтры буйныя
Надъ его безымянной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрыя:
Пройдетъ старъ челоуѣкъ — перекрестится,

Пройдетъ молодецъ — присанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гуляры — споютъ пѣсенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гуляры молодые,
Голоса захватные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярыньѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ настоящему изданію мы прилагаемъ новый портретъ М. Ю. Лермонтова, отличающійся особеннымъ сходствомъ, какъ утверждаютъ лица, близко знавшія покойнаго поэта. Портретъ этотъ гравированъ въ Лейпцигѣ, у Врокгауза, съ фотографическаго снимка, сообщеннаго намъ изъ Саратова А. С. Муромо. Подлинникъ, съ котораго сдѣлана была фотографія, писанъ для родственника Лермонтова г. Столыпина художникомъ Захаровымъ, вскорѣ послѣ выхода М. Ю. изъ юнкерской школы.

Рисунки для «Песни» сдѣланы художникомъ А. Шарлеманемъ и вырѣзаны на деревѣ Е. В. Гогенфельденомъ, за исключеніемъ трехъ помещенныхъ на стр. 12, 22, и 36, гравированныхъ Ф. Фрейндомъ.

Въ текстѣ «Песни» нами сдѣланы исправленія по изданію стихотвореній Лермонтова, сдѣланному въ 1840 г. самимъ поэто. Это изданіе, чрезвычайно рѣдкаго, у насъ не было при печатаніи послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова, а потому мы и не могли тогда исправить нѣкоторыя неясненія, допущенныя прежними издателями.
